Слепой ребенок

Мне не было и тридцати, когда моя жена родила первого ребенка. Я не забываю об этой ночи никогда. Эта была бессонная ночь, проведенная в пустых разговорах, в сплетнях и непристойностях. В основном я был рассказчиком и смешил их, говоря о том или ином человеке, а они смеялись и подливали масла в огонь. Я обладал необычайным «талантом» издеваться над людьми и высмеивать их.

Я подражал и копировал человека вплоть до акцента его и голоса. Я пародировал всех подряд, высмеивал всех подряд, даже мои близкие друзья не могли избежать моих насмешек. Некоторые люди стали избегать и сторониться меня, дабы не быть осмеянными. Как раз в ту ночь я рассказывал о слепом попрошайке, над которым я решил подшутить на рынке. Когда я поставил ему подножку, он неуклюже упал и никак не мог встать на ноги. Люди вокруг умирали от хохота, видя, как он безуспешно пытается встать на ноги. Как обычно я очень поздно ночью воротился домой. Моя жена ждала меня. Она была в положении и скоро должна была родить. Она дрожащим голосом спросила: Рашид, где ты был? Я ответил с издевкой: на марсе был, у братьев по разуму в гостях. Она выглядела очень ослабленной, и она сказала, а слезы душили ее: Рашид, я сильно болею, ты даже не представляешь как. Срок подошел, и ребенок должен скоро родиться. Она сжала губы, но слезы текли по щекам ее. Я тут понял, что она должна родить, мне надо было бы быть более серьезным, а больше быть занятым ею, тем более она была на девятом месяце. Я быстренько отвез ее в больницу. Ее ввели в родильное отделение, и она там провела долгие часы в муках. Я терпеливо ждал, пока она родит. Ее роды были трудными, я устал ждать и ушел домой. В больнице я оставил номер своего телефона, чтобы они смогли мне сообщить, когда она родит. Примерно через час мне позвонили и сообщили о рождении ребенка. Я тут же побежал в больницу. Первое о чем я спросил, это номер ее палаты. Но мне сказали, чтобы я прежде встретился с ее врачом, принимавшим роды для консультации. Я опять таки с иронией сказал: Какой врач? Мне нужен только мой ребенок! Мне сказали: да, но, прежде всего вам надо встретиться с врачом. Я зашел к ней. Она сказала, что роды были тяжелыми и что надо смириться с тем, что ребенок, возможно, не сможет видеть, так как глаза деформированы. Я схватился за голову, я вспомнил тот случай, когда я издевался над слепым попрошайкой, которого толкнул и над которым смеялись люди. Свят Аллах! Что же это? Око за око? Я сидел безмолвно. Потом вспомнил о жене и о ребенке. Я поблагодарил врача и попросил разрешения посетить жену. Она не упала духом и не скорбела как я. Она была довольна тем, что преподнес ей Господь. И сказала, может быть это будет предостережением для тебя, чтобы ты не издевался над людьми. Она постоянно повторяла: не издевайся над людьми. Вскоре они выписались с больницы и Салим, наш сын, был с нами. На самом деле я не ощущал его присутствия, что он есть, что его нет. Когда его плач становился невыносим, я убегал в зал и плотно закрывал дверь, чтобы спокойно спать. Жена же наоборот, была всецельно занята им, очень любила его. Я не то, чтобы игнорировал его, нет, нет. Просто я не мог заставить

себя полюбить его. Салим рос, и начал ползти. Когда ему исполнился год он начал ходить. Тогда только мы обнаружили, что он хромает. Это совсем опечалило меня. После него, моя жена родила Умара и Халида. Годы шли, и Салим рос. Росли и его братья. Я не любил сидеть дома. Больше времени я проводил в кругу друзей. На самом деле я был как игрушка в их руках. Можно сказать, был придворным шутом и смешил их. Жена все надеялась, что я исправлюсь. Она все время призывала меня встать на истинный путь. Она не злилась на меня, за мое легкомысленное поведение, она скорее жалела меня. Ее больше огорчало мое пренебрежительное отношение к Салиму, и внимание к его братьям. Салим вырос, выросли и хлопоты, связанные с ним. Когда жена решила устроить его в одну из школ для слепых, я не стал возражать. Я не заметил, как пролетели годы. День за днем, и в каждый день работа, сон, еда, насмешки. В одну из пятниц... Я проснулся в одиннадцать часов дня. Для меня это не было поздним временем. Я в тот день был приглашен на свадьбу. Я встал, оделся, надушился и собрался выйти из дому. В зале мое внимание привлек Салим, который досадно плакал. Это было впервые, когда я обратил на него внимание за все десять лет его существования. Обычно когда он плакал, мать утешала его, и я слышал его плач за дверями своего кабинета. Я остановился. Подошел к нему и спросил: Салим, почему ты плачешь? Когда он услышал мой голос, он перестал плакать, почувствовав, что я, где-то рядом и вижу его. Он начал шарить своими маленькими ручками и как я понял, он пытался отойти подальше от меня, как будто бы я чужой. Он сказал: ты только сейчас заметил меня? А где ты был все эти десять лет? И он, спотыкаясь, поспешно ушел в свою комнату. В начале он не хотел мне говорить о причине, по которой он плакал, но потом я заботливо начал беседовать с ним и он начал говорить о причине своей трагедии. Умар брат его, должен был проводить его в мечеть, сегодня пятница, и он боялся что не найдет места в первых рядах если опоздает, он звал Умара, звал мать, но никто не отзывался. И он плакал из-за этого. Я видел, как из его закрытых глаз скатывались слезы. Я не знал, что и сказать. Я прижал его голову к себе, погладил и сказал: за это ли ты плачешь Салим? Он сказал: Да. Я забыл про своих друзей, про свадьбу и сказал ему: Салим, не грусти, ты знаешь, кто сегодня поведет тебя в мечеть? Он сказал: я думаю что Умар, но он вечно опаздывает. Я сказал: нет, я поведу тебя сегодня в мечеть. Салим удивился, не поверил, он подумал, что я опять издеваюсь, и слезы опять покатились по его щекам. Я вытер его слезы и сжал его ручку. Я хотел повезти его на машине, но он сказал, нет, мечеть же недалеко, поведи меня пешком. Я не помню, когда в последний раз я заходил в мечеть. Но впервые я почувствовал волнение. И разочарование за свою беспечно и бесполезно проведенную жизнь. Мечеть была переполнена молящимися, однако, я нашел место для Салима в первом ряду. Мы сидели и слушали проповедь, потом он молился рядом со мной, точнее я молился рядом с ним. После молитвы, Салим попросил меня дать ему Коран. Я удивился: как слепой может читать Коран? Я видел просьбу его абсурдной, но боясь причинить ему боль отказав, взял Коран и протянул к нему. Он попросил меня открыть суру Пещера. Я открыл Коран, то листал, то смотрел оглавление пока не нашел суру. Потом он взял Коран у меня, поставил перед собой, и начал читать. Притом, что глаза его закрыты, и он не видит. О, Аллах! Он в совершенстве выучил суру! Мне стало стыдно, я взял Коран, и начал читать. Страницу за страницей, начал молить Аллаха о прощении, и о том, чтобы Он наставил меня на истинный путь. Я увлекся мольбой и не заметил, как начал плакать подобно ребенку. Некоторые люди оставались в мечети и совершали дополнительные

богослужения, я постеснялся их и постарался подавить в себе вспыхнувшие эмоции. Но они переполняли меня, я ничего не чувствовал кроме детских рук вытиравших слезы с моего лица. Это был Салим. Я его прижал к груди. Я посмотрел на него и сказал: не ты слепой сынок, а я слепой. Я не видел того, что мое распутство приближает меня к Аду. Когда мы вернулись домой, жена была сильно обеспокоена за Салима. Но ее беспокойство сменились слезами радости, когда она узнала что мы с ним вместе молились в мечети. С того дня я больше не пропускаю ни одну молитву в мечети. Я оставил своих компаньонов и разорвал с ними связи. Но обрел новых друзей в мечети. От них я научился многому, ощутил вкус веры. Узнал от них то, что от меня скрывала дунья. Я старался часто бывать с ними, сидеть за чтением Корана, совершением молитв, поминаний Аллаха. Несколько раз в месяц я полностью читал Коран. Мой язык часто поминал Аллаха, может быть, Он простит мои ошибки и грехи, и мои издевательства над людьми. Я стал больше любить семью и пытался больше проводить с ними время. Жена перестала тревожиться за меня, и стала счастливее. А улыбка не покидала сына моего Салима. Кто бы ни видел его, говорили, что он ангелочек. Я благодарил Аллаха за эти блага, которыми он наделил меня. Как-то мои новые друзья решили поехать в отдаленную деревню с целью призыва. Я тоже подготовился выйти в путь, испросил у Аллаха блага, посоветовался с женой. Я думал, что она будет против, случилось что наоборот. Я был рад, и чувствовал себя счастливым. А ведь раньше когда я был распутником я не советовался с ней, куда мне идти. Потом я обратился к Салиму, и сказал о том, что уезжаю. Он обнял меня крепко, крепко, чтобы попрощаться. Три с половиной месяца я был в разлуке с семьей. Всякий раз как мне удавалось, я звонил домой, к жене, чтобы услышать ее голос, голос детей. Я очень скучал по ним. О, как я скучал по Салиму! Никак мне не удавалось застать его и услышать голос. То он в школе, то в мечети. Когда я жене говорил о том, как я по ней соскучился, она радовалась и смеялась. Вот только в последний раз голос ее, меня встревожил. Она не была веселой как обычно. Я не услышал ее раскатистого смеха. Ее голос изменился. Я ей сказал: передай салам Салиму от меня. Она ответила: инша Аллах и умолкла. Потом я вернулся домой. Постучался в дверь. Я ожидал, что дверь откроет Салим. Дверь открыл младший сын Халид, которому едва исполнилось четыре года. Я взял его на руки, обнял. А он радовался и кричал: Папа! Папа! Я не знаю, почему стеснилась моя грудь, когда я вошел в дом, я произнес слова Аузубилля. Потом подошел к жене и заметил, что ее лицо изменилось. Как будто бы с ее лица стерли улыбку и радость. Я спросил: что с тобой? она ответила: ничего. Я неожиданно вспомнил Салима и спросил: где Салим? И Халид перебил словами: Салим пошел к Аллаху. Он в Раю. Жена разрыдалась, и ноги ее подкосились. Я подхватил ее и посадил на кресло. Потом я узнал, что он за две недели моего прибытия тяжело заболел. Его лихорадило, и жена моя отвезла его в больницу. Его сильно лихорадило и он не перестал страдать, пока душа не покинула его тело. Когда земля для тебя становиться тесной и путь твой сужается и грудь сжимается, и отчаяние берет верх над надеждой что остается кроме как сказать: О, Аллах!
Перевод: Ибрагим Махтибеков